

Владислав КЕТАТ
ФЛОРЕНТИЙСКАЯ
ГОЛОВА

@элита

16+

Владислав Кетат

Флорентийская голова (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Кетат В.

Флорентийская голова (сборник) / В. Кетат — Электронное издательство "Аэлита", 2013

В книгу вошли две повести: Флорентийская голова Италия, новогодние каникулы. Дождь, лужи и русские туристы, штурмующие памятники древней цивилизации. Одинокая девушка Саша, гуляя по Риму, оказывается втянутой в дикую по своей неправдоподобности историю. В её руки попадает... человеческая голова, которая мало того, что умеет говорить по-русски, но ещё и лично знакома с Джордано Бруно и Микеле де Караваджо. Всё бы ничего, но за головой этой давно идёт охота, и её нынешняя хозяйка сразу же попадает в поле зрения странных и отчаянных личностей. Вечная молодость. Что может сделать в наше время мужчину среднего класса и возраста действительно счастливым? Деньги? Большие деньги? Секс? Конечно, нет! То есть, да, но только на время. Тогда что? Не догадались? Это молодость! Её не купишь ни за какие деньги, да и ничего, даже самый лучший секс с ней не сравнится. Но как её вернуть, когда тебе уже почти сорок и у тебя жена, работа, машина, дача... Вы не поверите, но у одного нашего соотечественника получилось. Кто знает, может, получится и у вас, но только, когда вы снова станете молодым, не захочется ли вам вернуть всё обратно?..

© Кетат В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Повесть первая. Флорентийская голова или Временное нарушение законов природы	6
1. Обретение головы	7
2. Пусконаладочные работы	10
3. Легенда	13
4. Флоренция	15
5. Она начинает говорить	19
6. Удар, удар, ещё удар...	22
7. Скажи: «а-а-а-а...»	26
8. Новости – слоновости	29
9. Боевая фантастика	34
10. Русские не сдаются!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владислав Кетат

Флорентийская голова

© ЭИ «@элитा» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Повесть первая. Флорентийская голова или Временное нарушение законов природы

(Короткая повесть)

Всё началось, когда одна пейзанка из нашей группы заорала в телефонную трубку: «Свет! Рим – это просто отвал башки!»

Или нет, раньше, когда я сидела спиной к фонтану «Треви» и бросала правой рукой через левое плечо пятицентовые монетки. Одну, чтобы когда-нибудь ещё вернуться в Рим, вторую, чтобы найти в Риме свою любовь и третью, чтобы эту любовь потерять. Первые две бодро булькнули в зеленоватую воду, а третья, словно бы растворившись в воздухе, до цели почему-то не добралась. «Вот дура, промазала», – подумала я и стала рыться в карманах в поисках ещё одной. Но, ни в правом, ни в левом ничего не оказалось. Была у меня, конечно, где-то в сумочке монета в два еврика, но два еврика для таких целей, согласитесь, чересчур.

А, может, и ещё раньше, в военном музее замка Сант-Анджело, когда наш итальянский гид, наш прекрасный Костантино, с упоением рассказывал, про то, как во время осады какой-то крепости у римлян закончились камни для баллисты, и легионеры стали использовать в качестве снарядов отрубленные головы врагов, а когда кончились и они, в ход пошли головы их погибших товарищней. Возможно, Костантино этой историей хотел показать нам всю глубину презрения легионеров к смерти, только на нас она произвела впечатление тягостное. Некоторые дамы из группы издали долгое протяжное «фу-у-у-у».

Но, в любом случае, важно не то, с чего всё началось, а то, что произошло дальше. Об этом, собственно, и рассказ.

1. Обретение головы

В нашу последнюю ночь в Риме я шла по Виа Национале в сторону Площади Республики. Я прощалась с Вечным городом, с моими римскими каникулами, с долгожданным праздником, который не смогли испортить ни отвратительная гостиница, ни колхозницы из группы, ни мерзкая погода.

Мне было грустно. Грусть моя крутилась вокруг прощания, через пару кварталов она перетекла в раздумья над вечным вопросом русских туристов в Европе: «Почему у нас не может быть также?», потом, разумеется, я подумала, как бы было хорошо остаться здесь жить, причём так, чтобы мне было не тридцать четыре, а двадцать два и чтобы я была не экономистом второй категории, а, скажем, модным фотографом или художником, чтобы у меня была маленькая квартирка где-нибудь в районе «Трастевере», и чтобы я периодически просыпалась там в одной постели с каким-нибудь Бруно или Козимо…

Когда я спустилась с небес на землю, оказалось, что я стою у витрины магазина мужского белья «Gigolo» и пялюсь на то, что в ней представлено. Вообще-то, вот уже почти три года, как мне ничего и некому в таком магазине покупать, но видимо, поэтому я там и остановилась. И ещё, может быть, потому, что вокруг не было ни души, ни на моей стороне улицы, ни на противоположной.

Из-за грязноватого витринного стекла в меня целились прикрытые трусами пластмассовые причиндалы и задницы, за которые так и хотелось ухватиться обеими руками. Взгляд мой долго бродил по этому роскошеству, пока я, наконец, не поняла, насколько глупо сейчас выгляжу, и, хоть вокруг по-прежнему никого не было, сделала шаг в сторону и повернулась к витрине спиной. Что именно со мной произошло дальше, я поняла не сразу, а только когда мотороллер с сидящими на нём парнями с противным треском уносился от меня прочь. В правой руке того, который сидел на мотороллере вторым, была моя сумка, а в моей, соответственно, уже не было ничего. Я только успела заметить, что оба вора были в чёрных «лакированных» кожаных куртках, голубых джинсах и белых мотоциклетных шлемах.

«У них тут даже воры стильно одеваются», – подумала я, но додумать мысль не успела, потому что в следующую секунду из-за афишной тумбы выскоцил маленький человек в сером плаще и с неимоверной скоростью бросился наперерез мотороллеру. Он даже не бежал, а летел, не касаясь асфальта, и через секунду его рука вцепилась в того, у которого была моя сумка.

Ах, как бы мне хотелось сейчас написать, что мотороллер вместе с гламурными ворами грохнулся на асфальт, потом перевернулся пару раз в воздухе, как в кино, и, опять же, как в кино, с грохотом взорвался. Но он только неуклюже вильнул, и с ещё более противным треском укатил в ночь.

«Человек из-за тумбы» пробежал по инерции ещё несколько шагов и остановился. Затем нагнулся, что-то поднял с земли, повертел это что-то в руках, развернулся и пошёл ко мне. Когда он был уже близко, я поняла, что в правой руке у него белый мотоциклетный шлем. На секунду я обрадовалась, но радость тут же испарилась, когда я поняла, что с этого сомнительного трофея нет совершенно никакого толку. «Лучше б ты мою сумку у него вырвал», – подумала я.

Мужчина остановился от меня шагах в трёх, чем несколько меня успокоил – терпеть не могу мужиков, которые без разрешения посягают на моё личное пространство. Я быстро осмотрела его с ног до головы: он оказался маленьким, но очень широкоплечим японцем, или китайцем, или корейцем. Короче говоря, азиатом. Как я уже говорила, он был в сером плаще с поясом и в тёмной шляпе. В вырезе плаща я заметила белую рубашку и узел синего галстука.

Японец-китаец стоял в позе космонавта, держа под мышкой шлем, и тяжело дышал. Я подумала, что он довольно хорош собой для азиата, даже, можно сказать, красив, немного отталкивал только цвет его кожи, неестественно смуглый.

– У них около этого магазина место прикормленное, вам разве не говорили? – спросил он по-русски.

– Нет, – ответила я. Удивления по тому поводу, что японец-китаец говорит по-русски, почему-то не было.

Я ещё раз пробежалась глазами по моему собеседнику и вдруг заметила, что к шлему, который он всё ещё держал в руках, что-то такое привязано чёрное и длинное, вроде толстой верёвки.

Японец-китаец перехватил мой взгляд.

– Я схватил его за косу, и вот… – Он повернул ко мне шлем и с видимым усилием открыл пластиковое забрало.

В следующий момент меня словно окатило ледяной водой с карасями. Из шлема на меня смотрели открытые тёмные живые глаза. Я отпрыгнула в сторону и, кажется, завизжала.

– Если вам страшно, я могу их закрыть, – невозмутимо сказал японец-китаец, – только не надо больше кричать, нас могут услышать.

Я ничего не смогла ему ответить. Мне казалось, что если я открою рот, то меня непременно вырвет – я уже прикидывала место, куда бы метнуть ужин.

– Дышите носом, – сказал японец-китаец, – вот так. И он шумно сделал пару вдохов – выдохов носом. Его ноздри при этом смешно раздулись. Я попробовала сделать точно также, и это действительно помогло – тошнота отступила.

– Вот видите, что я говорил, – японец-китаец подошёл ближе, – теперь нам надо её куда-то спрятать. У вас есть пластик-бэг, или что-нибудь подобное?

Я хотела ему сказать, что у русской женщины всегда есть с собой пластик-бэг или что-нибудь подобное, но просто молча достала из кармана плаща аккуратно сложенный пакет универмага «La Rinascente». Японец-китаец поблагодарив меня чуть заметным кивком, взял пакет и тряхнул им в воздухе, чтобы развернуть.

– Я сейчас выну её из шлема, – сказал он, – отвернитесь, если хотите.

Я послушно отвернулась всё к той же витрине «Gigolo», а японец-китаец приступил к работе. Машинально шаря глазами по уже родным задницам, я слышала, как он возился со шлемом, шуршал целлофаном, и, наконец, как голова упала в пакет. Мне вдруг вспомнилась гильотина, Великая французская революция, Дантон, Демулен, Робеспьер…

– Возьмите, она теперь ваша, – услышала я голос сзади.

Я повернулась. Японец-китаец стоял теперь ближе, на расстоянии вытянутой руки, и протягивал мне пакет. Пустой теперь шлем он по-прежнему держал под мышкой.

– Берите, – повторил он, – мне она ни к чему.

Я не знала, что ему ответить, поэтому промолчала и сделала шаг назад. Японец-китаец не унимался.

– Я понимаю, вас смутила коса, меня, признаюсь, тоже. Но это голова мужчины, или, если быть совсем точным, юноши. Поэтому её должны забрать вы. Если бы это была девушка, то, разумеется, её бы взял я.

– Но почему? – слабо пролепетала я.

Японец-китаец посмотрел на меня с некоторым сомнением.

– Вы разве не понимаете? Посмотрите, нигде нет крови – это же самая настоящая Флорентийская голова!

Теперь пришла моя очередь смотреть на него с сомнением.

– Вы что, и в правду подумали, что можно вот так просто оторвать человеку голову? – спросил он.

Я подумала, что это действительно странно: «мало того, что он руками оторвал кому-то голову, но при этом ещё и нет ни единой капли крови».

– Ну, берёте? – требовательно сказал японец-китаец.

Мало чего соображая, я протянула руку к пакету.

– Ничего не понимаю, – единственное, что смогла из себя выдавить я.

– Если хотите, я провожу вас до дома, – сказал японец-китаец. – Где вы живёте?

– Гостиница «Siracusa», рядом с вокзалом «Терминии», – на автомате ответила я, – номер четыреста семь.

Японец-китаец взял меня под локоть и стал тихо, но твёрдо говорить на ухо. Странно, должно быть, мы выглядели со стороны: он – маленький и широкий, и я – длинная и бледная, как статуи фонтана «Треви».

Пока мы шли до Площади Республики, он рассказал мне, что голову надо посадить в цветочный горшок, а косу расплести и опустить в ёмкость с вином. Обязательно красным. Я слушала его в пол уха и кивала. Пакет несильно тянул мне руку, вероятно так, как бы тянул руку пакет со средних размеров капустным вилком.

Мысли мои были одна дурнее другой: поначалу я была уверена, что это чей-то масштабный розыгрыш, чуть позже – что сплю, ещё позже – что стала жертвой провокации местных спецслужб… но все эти предположения протыкались трёхгранным штыком небывальщины. Случившееся было настолько неправдоподобно, что все «реалистичные» версии рассыпались под собственной тяжестью.

– Земля подойдёт любая, только не песок и не глина, – в очередной раз повторил японец-китаец. – Если будите куда-то её везти, то заверните её вместе с горшком в какую-нибудь ткань, но ни в коем случае не в целлофан – она задохнётся.

Мой провожатый не повёл меня сквозь вокзал, а дал хорошего круголя, поэтому на дорогу у нас ушло примерно полчаса. Около входа в гостиницу он остановился и, отпустив мой локоть, по-японски раскланялся.

– Что ж, прощайте, жена Флорентийской головы, – грустно сказал он и исчез в темноте.

Я поднялась в номер и сделала всё, как мне сказал мой ночной знакомец. Поверила в небывальщину.

2. Пусконаладочные работы

Горшок для «цветов» я купила прямо в гостинице у очень похожей на торговку с какого-нибудь Чиркизовского рынка горничной.

— Scusi, signora¹! — сказала я, не особо рассчитывая на адекватный ответ. — Do you have vase for flowers? Quanto costa²?

И я показала на огромных размеров горшок в холле перед лифтом, из которого торчала чахлая деффинбахия.

— Vaso per fiori³? — уточнила итальянка.

Я кивнула. Та ударила в подсобку, погремела там чем-то и через минуту вернулась с коричневым керамическим горшком в руках.

— Venti euro, prego⁴, — сказала горничная.

«Ни черта себе, двадцать евро за горшок», — подумала я, — но молча достала из кошелька синюю бумажку.

— Grazie, signora, — и моя купюра исчезла в смуглом кулаке.

«Похоже, итальянцы недалеко ушли от наших соотечественников, — думала я по дороге к номеру, — никогда не откажутся продать что-нибудь чужое. Горшок-то наверняка казённый».

В номере я первым делом зачем-то вымыла горшок. При этом на его донышке обнаружился ценник из IKEA, на котором, словно издевательство было: «Prezzo – 7€. Produrre in Russia⁵».

Первым желанием было пойти и надеть этот горшок на голову горничной и в таком виде спустить её с лестницы, но злость исчезла, когда я вспомнила про другую голову, которая лежала на моей кровати в пакете «La Rinascente».

Чистый горшок был поставлен на письменный стол рядом с телевизором, по которому я вчера смотрела вторую часть «Звёздных войн», разумеется, на итальянском языке. Теперь надо было достать голову и поместить её в горшок. Я приоткрыла пакет и заглянула внутрь. Увидела чёрные, зачёсанные назад волосы. Раскрыла пакет пошире, так чтобы было лучше видно голову, затем аккуратно скатала его до уровня стола. Оказалось, японец-китаец не просто бросил голову в пакет, он ещё туда обмотал косу вокруг шеи, и теперь она, словно на постаменте возвышалась над столом.

Лицо было, как и положено лицу покойника, бледным — цвета стеариновой свечи — а вот волосы густыми и чёрными, словно из рекламы шампуня. Вместе это смотрелось, как выражаются нынешние тинэйджеры, «готичненько». Глаза и рот, по счастью, были закрыты.

Землю я позаимствовала у той самой дифfenбахии в холле. Копала металлической ложкой для обуви. Когда земли набралось с половину горшка, я решила, что хватит, наскоро замела следы преступления и убежала обратно в номер.

Признаюсь, я не сразу нашла в себе силы прикоснуться к голове — минут пятнадцать ходила вокруг стола и пыталась убедить себя в том, что голова мёртвая, и её совершенно нечего бояться. Наконец, я решилась. Размотала косу, (она свесилась вниз и достала до полу) взялась обеими руками за холодную шею, словно собиралась душить, быстро перенесла голову в горшок, слегка надавила на макушку и побежала в ванную драить руки.

¹ Извините, синьора! (ит.)

² У вас есть ваза для цветов. Сколько стоит? (англ. ит.)

³ Цветочный горшок? (ит.)

⁴ Двадцать евро, пожалуйста. (ит.)

⁵ Цена – 7 евро. Сделано в России. (ит.)

Пристроив, таким образом, своё сомнительное приобретение, я уже хотела плюхнуться в кровать и уснуть, но неожиданно вспомнила про волосы и про вино. Полбутилки красного у меня было, а вот с ёмкостью оказалось несколько хуже. Пришлось спуститься вниз и узнать у портье, где находится ближайший ночной магазин.

— Stazione Termini, signora⁶! — ответил загорелый «чертёнок» в синем кителе со скрещёнными золотыми ключиками на лацканах и показал пальцем в сторону вокзала.

— Grazie, signor!⁷ — крикнула я «чертёнку» уже с улицы.

Для того чтобы добраться до вокзала, мне было нужно перейти одну улицу – Виа Марсала – но и с этим у меня сегодня образовались проблемы – меня чуть не сбила девка на мотороллере. Она бесшумно выскочила из темноты и осветила меня фарой. От неожиданности я ойкнула и замерла в позе ярмольниковского цыплёнка табака.

— Sciocca vecchio⁸! — прокричала девка, огибая меня по широкой дуге, одновременно показывая мне увенчанный длинным красным ногтем «фак».

— Сама это слово два раза, шалава! — со страху заорала я в ответ и показала ей, где пришивается рукав у моего плаща.

Девка, видимо осознав, что её «фак» в сравнении с моим жестом также беспомощен, как «Скуадра Адзурра» перед сборной СССР по хоккею, утрешила на своём мотороллере дальше. Я же широкой походкой победительницы направилась в здание вокзала.

Внутри меня ждал облом – абсолютно все торговые точки были нагло заперты серыми жалюзи. Кроя последними словами «чертёнка», я прошла вокзал нас kvозь, вышла на улицу и к величайшей своей радости увидела одну единственную работающую «стекляшку». Давали там, разумеется, кофе ста восьмидесяти видов приготовления, вино, и, на моё счастье, огромные итальянские бутерброды – panino.

— Uno caffè americano, uno panino al salame, uno panino al prosciutto e uno panino al formaggio. Prego⁹, — сказала я продавцу, похоже, совсем не итальянцу.

— Nove euro, signoria¹⁰, — сказал не итальянец и скептически меня осмотрел. Затем запустил кофемашину и положил мои бутерброды в микроволновку.

Я дала ему десятку. Пояснила:

— Friends¹¹...

— Amici¹²? — он протянул мне еврик сдачи.

— Si, amici. Due¹³.

Продавец понимающе кивнул. Тренькнула микроволновка и на прилавке появились чашка «американо» и три здоровенных бутерброда в глубокой тарелке.

Короче, говоря, эту тарелку я оттуда спёрла. Дождалась, пока продавец зацепился языком за очередного покупателя, сунула тарелку с бутербродами в пакет и с достоинством удалилась. Разумеется, меня никто не преследовал.

В номере я сделала всё, как говорил японец-китаец: налила в тарелку вина и опустила в неё расплетённый хвост косы. Не скрою, я надеялась, что голова тут же откроет глаза, но, естественно – дудки. Ничего не произошло.

⁶ Стихотворение канадского ботаника А. Г. Реджинальда Баллера.

⁷ Вокзал «Термини», синьора! (ит.)

⁸ Старая дура! (ит.)

⁹ Один кофе «американо», один бутерброд с колбасой, один бутерброд с ветчиной и один бутерброд с сыром. Пожалуйста. (ит.)

¹⁰ Девять евро, синьора (ит.)

¹¹ Друзья... (англ.)

¹² Друзья? (ит.)

¹³ Да, друзья. Двое. (Ит.)

О том, чтобы спать, речи быть уже не могло. К тому же, на меня напал жор, и я с удовольствием смолотила все три panino, запивая вином, оставшимся от головы. Включила телек. По каналу «Classic Movies» показали сначала «Как украдь миллион», потом «Гражданина Кейна», а после «Бангкок Хилтон», всё на английском. Так что ночь прошла быстро.

Утро наступило внезапно. Я очнулась, сидя в кресле перед телевизором со стаканом в руке. Я не спала, просто поняла, что ночь кончилась. Голова (не моя) была на месте, такая же мёртвая, как и вчера. Лицо не порозовело, глаза не открылись. Только вина в тарелке заметно поубавилось.

Я посмотрела на часы – половина седьмого – через час пейзанки во главе с Костантино будут ждать меня в холле гостиницы. С вещами. Я вылезла из нагретого кресла, щёлкнула усталый телевизор и пошла в ванную.

Мылась долго, с головой (со своей). Всегда, когда опаздываю, никуда не тороплюсь, потому что, если буду торопиться, точно никуда не успею. Потом ещё несколько минут валялась на кровати голой, глядя на секундную стрелку своих часов.

«Она же так медленно ползёт, – думала я, – времени-то ещё полно».

До автобуса во Флоренцию оставалось десять минут.

3. Легенда

В автобусе я под косые взгляды пейзанок нагло уселась рядом с Костантино и сделала вид, что у меня есть к нему множество важных вопросов. Для пущей убедительности, раскрыла перед ним карту Флоренции. Костантино, вероятно подумав, что я его кадрю, расцвёл.

– Вы не знаете легенду о Флорентийской голове? – спросил он так, будто речь шла о «Красной шапочке».

Я помотала головой и придурковато улыбнулась. Костантино отреагировал мгновенно – пододвинулся ближе и положил свою руку мне на запястье. «Сколько же ты, козёл, наших в койку затащил?» – подумала я.

– Жила была в пятнадцатом веке одна бедная флорентийка, – начал он вкрадчиво, – которая была влюблена в очень знатного господина. Разумеется, их союз был невозможен. Знатный господин был женат, у него были дети. Но случилось так, что этот знатный господин был по навету обвинён в связях с сatanой, осуждён и вскоре казнён на центральной площади города, а семья его изгнана из Флоренции…

Я слушала, думая про себя, что Костантино очень хорошо для иностранца говорит по-русски, что от него вкусно пахнет, и что у него тёплые руки; всё портили тёмные вороватые глаза, которые нагло шарили по моей груди, и ещё колючая на вид щетина – только это не давало мне растечься манной кашей по белой скатерти.

– …после казни бедная флорентийка выкрала отрубленную голову возлюбленного и спрятала её у себя дома. Там она посадила её в цветочный горшок с землёй, которую накопала у себя в саду, а волосы окунула в кувшин с красным вином. Тогда мужчины носили длинные волосы, не то, что сейчас.

Костантино улыбнулся, давая мне понять, что сказал шутку. Я благодарно хихикнула. Он ещё плотнее прижался ко мне и продолжил:

– На третий день голова ожила. С первыми лучами солнца она открыла свои глаза и сказала флорентийке, что не умрёт, пока в кувшине не кончится вино или пока флорентийка не выйдет замуж. В благодарность голова обещала каждое утро предсказывать то, что случится в городе до захода солнца. Флорентийка поклялась не выходить замуж и на рассвете подливать вина в кувшин. Вам интересно, Саша?

– Очень, – отозвалась я и подумала: «О, да ты знаешь, как меня зовут! Интересно…»

– Флорентийка десять лет исправно подливала в кувшин вино, не выходила замуж и каждое утро целовала голову в губы в знак верности. Голова, как и обещала, рассказывала всё, что произойдёт в этот день во Флоренции. Голова не ошиблась ни разу – всё случалось именно так, как она предсказывала. Флорентийка не знала, что ей делать с этими сведениями, до тех пор, пока в одно прекрасное утро голова не сказала, что самый богатый торговец шерстью в городе сегодня за час до полудня умрёт, и его сыновья не смогут мирно поделить наследство. Так и случилось. На следующий день цены на шерсть в городе выросли вдвое, а ещё через день – вчетверо. Тогда флорентийка наконец поняла, какое богатство таят в себе рассказы головы и решила подождать подобного случая, чтобы разбогатеть.

Ждать пришлось недолго. Ровно через месяц голова сказала, что за час до захода солнца дом богатого купца, врача и аптекаря по фамилии Фальсио, который снабжал город лекарственными продуктами с Востока, запылает гигантским костром. В тоже утро флорентийка на последние деньги скупила у ничего не подозревавшего Фальсио разных снадобий, и стала ждать. За час до захода солнца город облетела весть о том, что дом купца Фальсио со всеми его складами, подвалами и лабораториями, где он производил лекарства, горит, как стог соломы. На другое утро наша флорентийка проснулась богатой дамой. Она немедленно продала то, что

купила вчера у Фальсио в сто раз дороже. Теперь она смогла переехать в другой дом, купить себе лучшие платья и нанять прислугу.

Теперь хитрая флорентийка не упускала своего шанса. Немедля покупала то, что подорожает, и вовремя продавала то, что подешевеет. Так она стала самой богатой женщиной Флоренции. Разумеется, она всё так же была не замужем, и каждое утро подливала в кувшин лучшего в городе красного вина.

Но, как обычно бывает в сказках, в один прекрасный день всё кончилось. Не прошло и года со времени обретения ею богатства, как её руки, руки немолодой уже дамы, стал добиваться один юный красавец (после слов «юный красавец» Костантино гордо поднял голову, а я, наоборот, стыдливо опустила глаза). Он посыпал флорентийке цветы, пел под её окнами серенады и посвящал ей восторженные стихи. Поначалу флорентийка отвергала поклонника, приказывала прислуге гнать его прочь из-под её окон, выбрасывать на помойку его букеты и жечь в печи его стихи, но вскоре женское сердце дрогнуло и, как-то раз, когда над Флоренцией зашло солнце, она впустила пылкого юношу к себе в дом. В эту ночь она и этот молодой человек стали любовниками.

Следующее утро началось как обычно. Голова рассказала городские новости предстоящего дня, а флорентийка плеснула в кувшин вина и пошла готовиться к предстоящей свадьбе.

За неделю до свадьбы голова сообщила, что на следующий день гонец принесёт в город весть о гибели судов с грузом китайского шёлка, которых уже давно ждали во Флоренции. Шёлковые материи к тому времени подорожали необыкновенно, но флорентийка всё же решила рискнуть и за день скупила весь шёлк, который был в городе. На это у неё ушли все деньги.

Наступил вечер, затем на Флоренцию опустилась ночь, но никаких вестей о гибели судов не приходило, а на утро по реке Арно к городу подошли три больших парусника, доверху груженых шёлком.

Флорентийка поняла, что разорена. Голова обманула её. В бешенстве обманутая женщина вбежала в спальню, схватила горшок с головой и выбросила его в окно. А на другой день, узнав о банкротстве, от неё сбежал жених. Видимо, пошёл искать себе новую богатую невесту.

Костантино, как бы утешая, погладил меня по руке.

– А что же случилось с головой? – спросила я, аккуратно вырывая руку, – она погибла?

– В том то и дело, что нет. Под окном был чудесный сад, и горшок с головой упал в кусты и не разбился. Его подобрала одна девушка – дочь садовника, принесла домой... Что было дальше вы, наверное, догадываетесь?

Я кивнула.

– С тех пор ходит легенда, что голова жива до сих пор, и какая-нибудь незамужняя девушка находит её, и всё повторяется снова и снова. Впрочем, есть и другая версия этой истории, мужская. Голова в этом случае женская, а вместо флорентийки – флорентиец. Но финал одинаков: золото всякий раз затмевает любовь.

– Скорее, новая любовь затмевает старую, – сказала я, – две любви не могут жить в одном сердце.

Лицо Костантино от удивления вытянулось. Вероятно, то, что я сказала, являлось для него новостью.

– А у вас, Саша, есть любовь? – спросил он тихо-тихо.

– Да, – соврала я, – спасибо за рассказ.

Встала и пошла на своё место.

4. Флоренция

Я плюхнулась на велюровое сидение с точно такой же обивкой, как и в моём «Polo», и уставилась в окно, на зимний итальянский пейзаж. Подумала: «Вот бы нам такую зиму, была б тогда в ленинградской области своя Эмилия-Романия или Тоскана...» Но всё это было лишь робкой попыткой не думать о голове. «Она ведь сейчас в моём красном чемодане на колёсиках, – думала я, – завёрнутая в украденное из гостиницы большое полотенце, а чемодан внизу, в багажном отделении автобуса, а автобус едет из Рима во Флоренцию...»

Представив эту странную матрёшку в разрезе, я улыбнулась. «Если козлоногий Костантино не наврал хотя бы половину, то от этой штуки мне будет толк», – подумала я, засыпая.

Всю дорогу до Флоренции я проспала, как сурок. Меня даже никто не удосужился разбудить во время санитарной остановки у какой-то заправки. Этую самую остановку, а вернее, цены в кафе на заправке и обсуждали мои пейзанки, пока мы все стояли в холле гостиницы «Mia Cara», ожидая, пока нас расселят.

– Суп – восемь евро! Второе – семь евро! – сокрушилась одна, – кофе – два евро! Булка – ещё три! – вторила ей другая.

– У-у-у-у, – одобрительно гудели остальные.

«Жрать меньше надо, – подумала я про себя, и порадовалась, что сэкономила двадцать евриков, – вот, считай горшок отбила...»

В номере я первым делом вынула здоровенный белый куль, в котором была голова, из чемодана, аккуратно его размотала и водрузила освобождённый горшок на подоконник. Голова выглядела абсолютно такой же, какой она была в Риме. Ничего не изменилось.

Немного подумав, я переставила горшок на журнальный столик; налила остатки вина в тарелку, окунула туда засохший хвост и пошла гулять по городу. У меня было два часа до экскурсии в галерею Уффици.

«Сегодня у меня в номере точно не придут убираться, а завтра посмотрим», – подумала я, закрывая за собой дверь.

Разумеется, на улице шёл дождь. Местные негры на каждом углу продавали разноцветные зонтики по два евро. Напялив на голову капюшон, я пошлЁпала к Соборной площади.

Флоренция под проливным дождём, это, должно быть, самая безрадостная картина, которую я когда-либо видела, а мокрая Соборная площадь в особенности. «Здесь же всегда должно быть сухо, солнечно, все вокруг должны быть загорелыми красавцами и красавицами, – повторяла я про себя, – здесь просто не может быть столько воды под ногами...»

Там, куда я пришла, было очень много народа. Ещё издалека я заметила полчища цветных зонтиков, разукрасивших каждый уголок площади. «Странное дело, без этих зонтиков она казалась бы куда мрачнее, – подумала я, – получается, туристы сами себе делают праздник».

Первым делом, я направилась в собор «Санта Мария дель Флоре». Желающие попасть туда немцы с серьёзным видом выстроились в совершенно совковую очередь. Я только усмехнулась про себя. Спросила крайнего:

– Кто последний?

Тот улыбнулся и ответил:

– Ja!

Внутри меня обдало ощущение, испытанное почти во всех католических соборах – чёткое понимание того, что я здесь чужая. Скоренько пробежавшись по периметру, я выскочила наружу, где неожиданно окунулась в родную речь.

– Наша башня, безусловно, лучше Пизанской, – говорила длинная и мокрая экскурсоводша группе скучающих российских школьников, – она стоит прямо и никуда не падает!

Я шарахнулась от школьников и попыталась прорваться к золотым воротам баптистерия, но, не тут то было – они были перманентно облеплены туристами. На сколько мне удалось заметить, преобладали японцы. Они перемещались по площади мелкими группами по пять – шесть человек и фотографировались на фоне любой достопримечательности, делая при этом счастливые лица. Я на секунду представила себе альбом среднего японца, и мне натурально стало страшно.

Так и не прорвавшись к баптистерию, я решила залезть на ту самую башню, которая лучше Пизанской, и которая стоит и не падает. Заплатила три еврика и полезла.

Помнится, подъём на колоннаду Исаакиевского собора дался мне проще. Может, старая стала, или курить стала больше… короче говоря, за время подъёма я три раза останавливалась подышать. Вежливо пропускала вперёд тех, кто поздоровее, осматривала идиотские граффити, которыми были изуродованы все (то есть, абсолютно все) стены, как вдруг мой глаз из общей кучи выхватил странную надпись:

«Подвиг мой того стоил! Флоренция сверху – это даже лучше, чем Москва снизу. Михаил К., машинист московского метро».

«Господи, – подумала я, – куда ж мне от вас деться, дорогие сограждане».

Я проторчала на обзорной площадке башни минут двадцать. Выбрала место, откуда было видно, как на город сквозь пробоину в облаках прожектором било солнце, и стояла там до посинючки. Правда, спокойно постоять не дали, видимо сговорившись, самые разные люди постоянно просили меня их сфотографировать. Я вежливо улыбалась, брала в руки камеру, говорила: «Say: трусы-ы-ы», щёлк, и очередная пара счастливых рож на фоне песочных крыш была готова. Когда окно в облаках затянуло, я решила спуститься.

Теперь мне предстояло восполнить потери, понесённые в Риме, то есть, купить сумку. Вообще-то, у меня в планах на поездку и так значилось прикупить во Флоренции бумажник, перчатки и сумочку, так что я с чистой совестью направилась на Соломенный рынок у «Дель Порчеллино».

У бронзового хряка тоже была толпа. Снова японцы, японцы, японцы, и зонтики, зонтики, зонтики… Монетка кладётся на отполированный язык – бряк – монетка падает вниз, в решётку, люди радуются, люди фотографируются, некоторые даже от счастья хлопают.

– Итого: перчатки – тридцать евро, кошелёк – сорок, и сумочка – сто, – сказала мне крашеная Аня из Ленинграда, на которую я набрела в самом дальнем ряду, – скидок, извини делать не буду.

Я протянула Ане деньги, а та мне большой зелёный пакет с хапнутым.

– А ты, вообще, чем занимаешься? – спросила она, пересчитывая деньги.

– В банке работаю, – ответила я.

– Ха! – Аня сунула в рот тонкую сигарету. – У кого из наших ни спросишь, все в банке работают. (Я промолчала) А вообще, как там сейчас в совке? Давно не была.

– Жить можно, – ответила я и, поблагодарив соотечественницу, развернулась, чтобы уйти.

– Остерегайся цыган, – услышала я за спиной Анин голос.

Я обернулась.

– Чего?

– Я говорю, осторожней с румынами, они дикие, – пояснила Аня, – их даже карабинеры боятся.

На площади Синьории нас должен был ожидать Костантино, чтобы отвести в Уффици. Я припёрлась туда на полчаса раньше назначенного – ноги сами привели. Шла, шла и вдруг увидела знакомую башню.

Разумеется, тут тоже всё было мокрое, и народу здесь было больше, чем на Соборной. Издалека завидев бледные телеса, я потрусила к Давиду. Подойти ближе, чем на десять метров из-за толпы народа мне не удалось, поэтому пришлось довольствоваться малым.

«Нет, всё-таки хорош, сукин сын», – успела подумать я, как кто-то тронул меня за рукав. Я обернулась. На меня смотрел сияющий Костантино в чёрной кожаной куртке и белых джинсах. На руках у него были замшевые перчатки, а на шее небрежно болтался длинный полосатый шарф.

– Верно говорят, что женщины на площади Синьории стоят к статуе Давида лицом, а мужчины спиной, – сказал он. – Идите ко мне под зонт, Саша, – и, не дожидаясь моей реакции, сделал шаг в мою сторону. Над моей головой навис здоровенный прозрачный купол.

Сил сопротивляться его настойчивости не было.

– Шипящие звуки в русских женских именах придают им ни с чем не сравнимый шарм, Саша, – тихо произнёс Костантино и улыбнулся.

Я тоже улыбнулась, но не от комплемента, а оттого, что оказалась почти на голову выше моего коварного обольстителя. «Почему я раньше не замечала, что он такой мелкий», – подумала я, и мне стало ещё смешнее.

Улыбка быстро сошла с лица, так и не дождавшегося поцелуя Костантино, и он предложил прогуляться по площади, «пока все не подошли». Я согласилась, всё равно делать было нечего. Не успели мы дойти до Лоджии Ланци, как я поняла, что Костантино трудно нести надо мной зонт.

– Давайте я возьму, так будет удобнее, – сказала я и почти выхватила деревянную ручку из рук Костантино. Тот нехотя согласился.

Мы неспешно обошли по периметру всю площадь. Подходили к каждой статуе, останавливались и смотрели. Вернее, смотрела я, Костантино, глядя на меня, без умолку верещал. «Персей» Челлини, «Похищение сабинянок» Джамболони, его же «Геркулес и Кентавр», «Аякс с телом Патрокла» не помню кого – на всех у него нашлось что сказать. Ну, и, конечно, Костантино не был бы Костантино, если бы не закончил свой рассказ вот этим:

– Видите, у задней стены лоджии стоят шесть античных женских статуй? – спросил он.

Я кивнула.

– Крайняя слева – моя любимая – очень похожа на вас, Саша.

«Вот ведь, кобель!» – подумала я, но помолчала.

Дальше у нас по плану была галерея Уффици. Мы с Костантино «чтобы не подумали лишнего» разошлись в разные стороны и встретились уже на месте условленного заранее общего сбора, у «Давида». Только всё напрасно. Некоторые пейзанки, видимо, тоже пришли сюда раньше, и я ещё на подходе к плотно стоящей справа от «Давида» нашей группе стала ловить на себе вполне однозначные взгляды.

«Завидно? Завидуйте молча!», – попыталась я соорудить на своей физиономии.

Рассказывать об Уффици, как мне кажется, невозможно по двум причинам. Во-первых, потому что абсолютно всё увиденное пришлось бы возносить в превосходную степень, а, во-вторых, потому что про неё, Уффици, уже написано такое море разливанное всего, и мой комментарий в этом море просто утонет, не оставив даже всплеска. Скажу одно – два часа, проведённые внутри, стали для меня одним из самых ярких впечатлений за последние десять лет (чего, кстати, нельзя сказать о моих пейзанках, которые в большинстве своём зевали и периодически во всеуслышание сообщали, что Радищевский музей в Саратове во сто крат лучше).

Ближе к выходу, когда я, обалдевшая от «Рождения Венеры», «Весны», «Поклонения волхвов», уже случайным образом бродила по залам, взгляд мой вдруг зацепился за что-то знакомое. Я немедленно изменила курс, задела какую-то тётку («Scusi!», «Сама корова!») и

оказалась у стеклянной витрины, за которой был круглый выпуклый предмет с изображённой на нём головой кричащей медузы Горгоны.

– Так вот ты какой, – сказала я вслух, – а я думала, ты больше...

Подошла ближе. И опять меня накрыло это странное чувство обретения настоящего шедевра, виденного раньше миллион раз на цветных вкладках в «Юном художнике». Но было что-то ещё, что не давало мне, в который уже за сегодня раз, тяжело вздохнуть и уйти от шедевра прочь. Я присела, чтобы поймать взгляд медузы, и тут до меня с такой ясностью дошло, на кого я сейчас смотрю, что я непроизвольно вззигнула.

– Нельзя же так, девушка, – сказала мне полная женщина из нашей группы, которая оказалась слева от меня, – я всё понимаю, шедевр, но всё-таки надо как-то поспокойнее...

– Да она чокнутая, не видно разве? – сообщила ещё одна колхозница, – больная на всю голову.

Я ничего им не ответила, хотя, надо было бы. Следуя указателям, я уже бежала к выходу. Домой. В гостиницу.

5. Она начинает говорить

Слишком высокий для мужского и слишком низкий для женского голос звучал из глубины комнаты. Без единой мысли в голове я закрыла за собой дверь и сняла мокрые насквозь боты. Страшно мне не было, напротив, я ощущала приятное покалывание где-то в районе солнечного сплетения, но вот по голове, будто пыльным мешком стукнули.

– Как вы думаете, какие краски подходят к нашему времени? – спросил голос.

Я сделала неуверенный шаг внутрь комнаты. Затем ещё два. С журнального столика, на котором я утром оставила моё римское приобретение, на меня огромными чёрными глазами смотрела живая человеческая голова, торчащая из цветочного горшка. От неожиданности я села прямо на пол (наши глаза при этом оказались на одной высоте).

– Масло мы, безусловно, отдадим веку девятнадцатому и ранее, – сказала голова, – начало двадцатого – это, конечно же, акварель, его середина – гуашь, а вот окончание и начало века нынешнего для меня вопрос. Большой вопрос.

Я продолжала сидеть на полу. Голова посмотрела на меня, только теперь, как мне показалось, несколько виновато.

– Я испугал вас, простите. Вы принесли вина? Если нет, то я снова усну.

Я встала, дрожащими руками достала бутылку из сумки, которая так и висела у меня на плече, и поставила бутылку на пол рядом с собой.

– Простите, но этого недостаточно, – сказала голова, – вы бы не могли налить вино в тарелку. Мне самому этого никогда не сделать.

«Вот дура!» – подумала я про себя, пальцем пропихнула пробку в бутылку и щедро плеснула вина в тарелку. Уделала весь стол, а заодно и голову. Красные капли потекли по лбу и по левой щеке.

– Ой, простите, – я кинулась, было, её вытирать, но не смогла даже прикоснуться к ней.

– Я понимаю, вам сейчас очень страшно, – невозмутимо отозвалась голова, – но поверьте, вам совершенно нечего бояться. Я никак, абсолютно никаким образом не смогу причинить вам вред.

«А ведь, она права», – подумала я, и от этой мысли мне стало так легко, что я снова плюхнулась на пол.

Голова издала глуховатый смешок. Я тоже засмеялась.

– Чему вы смеётесь? – спросила голова.

– Вспомнила анекдот про то, как одна голова десять лет училась грести ушами, а на соревнованиях по плаванию кто-то на надел неё резиновую шапочку.

Голова на секунду задумалась, а потом захохотала в голос. Это было очень странно, наблюдать хохочущую голову в цветочном горшке.

– Очень смешно, – сказала она, отсмеявшись, – очень. А теперь, если вам не трудно, вытрите меня, пожалуйста.

Я достала из новой сумки платок и подошла к голове. Та хитро посмотрела на меня, а затем вдруг скосила глаза и неестественно далеко высунула изо рта багровый язык (м-м-м-м). Я с визгом отпрыгнула в сторону. Голова снова расхохоталась.

– Испугались? Простите, это единственное, чем я могу доставить вам неудобство. Обещаю, больше так делать не буду. Честно.

«Так я тебе и поверила», – подумала я, но всё-таки подошла и решительно вытерла белым махровым полотенцем лицо и стол. Через полотенце я почувствовала, что голова тёплая, даже горячая.

Превратившееся из белого в розовое полотенце полетело на пол ванной. Я посмотрела на своё отражение в зеркале и поняла, что на голове у меня черти чего и что я так и не сняла

мокрый плащ. Раздевшись и наскоро причесавшись, я вернулась в комнату; села на пол рядом с журнальным столиком, взяла в руку винную бутылку, в которой оставалось чуть больше половины, и сделала большой глоток.

– Спасибо, о, русоволосая прелестница, – нараспев сказала мне голова, – чем я могу отплатить за вашу безмерную доброту ко мне? За вашу…

– Только не надо так громко петь, – прервала я, – за стенкой у меня пейзанка из группы, подумает, что я мужика привела.

Голова замолчала и задумалась. Её тонкие, почти женские брови уползли далеко вверх, кожа над ними собралась в тугие складки, а рот смешно изогнулся вниз коромыслом.

– Но ведь я не мужик, – сообщила она после долгого раздумья, за время которого я успела ещё дважды приложитьсь к бутылке.

Меня снова разобрал смех – уж больно наивно это было сказано – но я сдержалась.

– А кто же вы тогда?

– Ещё не знаю. Чаще всего тот, кто обретает меня, видит во мне существа противоположного пола, и это легко объяснимо, поскольку всё ваше земное существование посвящено поиску своей второй половины…

Я сидела на полу со скрещёнными по-турецки ногами в обнимку с медленно кончавшейся бутылкой и внимательно слушала мою странную собеседницу. С каждой новой сказанной ей фразой, с каждой новой гримасой на её лице, я подмечала всё больше исключительно женских черт, которые совершенно спокойно соседствовали в ней с мужскими. «Как же это может быть», – подумала я, но тут мне по очереди вспомнились: «Юноша с корзинкой», «Лютнист» и голова медузы Горгоны, на которой я так позорно подорвалась в Уффици…

– …боюсь, мою половую принадлежность сейчас однозначно определить невозможно…, – закончила голова. – О чём вы так глубоко задумались?

– Мне…, я вспомнила… голову медузы Горгоны, Караваджо, – пробормотала я.

– О, мятежный Микеле! – Голова мечтательно закатила глаза. – Он был горяч! Не знаю, зачем ему понадобилось изображать меня в таком виде, хотя, он всегда говорил, что взглядом можно обратить плоть в камень, а камень в живую плоть, как краски делают живым холст… Он был романтиком, мой Микеле. Мы были вместе четыре года, а в Риме, за год до наступления нового века, расстались.

– Какого, простите, века? – не без сарказма поинтересовалась я.

– Семнадцатого, – произнесла голова тихо, – за год до смерти создателя. Моего создателя.

– Кого, кого?

– Филиппо Бруно по прозвищу «Ноланец», в монашестве получившего имя Джордано, – ответила голова ещё тише.

– Джордано Бруно?! – от неожиданности закричала я. – Того самого?

Но голова ничего не ответила. Тень прошла по её лицу, и мне на миг показалось, что вместо юноши на меня смотрит глубокий старик, такой древний, что мне стало страшно. Я немного подалась вперёд, чтобы лучше рассмотреть лицо, но оно вновь приобрело прежние очертания. «Фу ты чёрт, померещилось», – подумала я.

– Что вы сказали? – спросила голова. – Я не расслышала.

– Я спросила, тот ли это Джордано Бруно, которого сожгли?

Голова моргнула в знак согласия.

– На Кампо деи Фиори, сейчас стоит памятник, только он там на себя не похож. Люди всегда так – сначала жгут, вешают, головы рубят, а потом памятники ставят.

– Это точно, – согласилась я, чувствуя обиду за всё человечество, – кстати, об отрубленных головах, расскажите, почему вы всё ещё живы, и причём тут Джордано Бруно?

Голова недоверчиво прищурилась.

– А вам зачем?

– Не знаю, так просто...

– Просто – одним местом с моста, – голова скрчила недовольную гримасу, – все так говорят, а потом...

– Кто, все?

– Кто, кто! Охотники за мной, вот кто. – Голова внезапно стала серёзной. – Специально приезжают в Италию, толпами. Может, вы одна из них, почём мне знать.

– И чего им всем от вас нужно? – спросила я как можно наивнее, из-за чего фраза вышла фальшивой, и голова, похоже, это почувствовала.

– А то не знаете! – горько усмехнулась она. – Все всегда всё знают, только делают целомудренные глаза.

– Я, правда, ничегошеньки про это не знаю! Честно-честно!

– Не кричите так. За стеной пейзанка, забыли?

Я закрыла рот ладонью и стала хлопать глазами, стараясь всё сказанное мной свести в шутку, но голова на это никак не отреагировала.

– И потом, мы ещё мало друг друга знаем для таких рассказов, – по бабы растягивая слова, протянула она, – я ведь даже не знаю, как вас зовут...

– Александра, – ответила я и хотела протянуть руку, но вовремя одумалась, – можно Саша. А вас?

– А меня никак не зовут. – Голова улыбнулась. – По крайней мере, сейчас. Каждый, кто жил со мной почему-то считал своим долгом меня как-то называть. Фабио, Морён, Свия, Коррэо, Бази... всех и не упомнишь. У меня было столько имён, что придумывать новое не имеет никакого смысла. Хотя, если вам захочется придумать мне имя, то силь ву пле, я не против.

– Иван Иваныч, – выпалила я.

– Иван Иваныч..., – повторила за мной голова. – Так меня, кажется, ещё никто не звал.

– Теперь мы достаточно хорошо друг друга знаем?

На лице головы вдруг простила маска ужасной усталости.

– Давайте, мы с вами завтра об этом поговорим..., – прошептали яркие, едва разлепляющиеся губы, – я немного устал...

– Мне кажется, вы симулянт, – в сердцах сказала я.

Голова встрепенулась.

– Мне больше нравится слово «актёр», но если вам так будет угодно, то сойдёт и симулянт. По большому счёту, это одно и тоже.

Голова смотрела на меня хитрящими глазами, в которых было написано бессмертное калягинское: «Должна же я его хоть чуточку помучить». Стало понятно, что сегодня добиться от неё чего-то внятного будет совершенно невозможно, но я была уже достаточно под шафэ, чтобы на всё это наплевать.

– Раз вы не хотите разговаривать, я пойду спать, – сказала я голове. – Я сплю со светом, так что, если вам это помешает, могу накрыть вас полотенцем, как попугая. Хотите?

– Нет, ничего такого не надо, – ответила голова. – Если хотите, чтобы я уснула, почешите меня чуть выше того места, откуда, так сказать, растёт коса.

Слегка покачиваясь, я встала и сделала, то, что меня попросили. Запустила пятерню в чёрную шевелюру и поскребла ногтями тёплый и твёрдый затылок.

– Вот так, хорошо..., – блаженно пролепетала голова, – вы прелесть, Саша...

Её глаза закрылись.

«Вероятно, у неё там та самая «кнопка», которую безуспешно искал Каракенцов у Электроника», – подумала я и пошла спать.

6. Удар, удар, ещё удар...

Я проснулась с невероятно свежей для моего вчерашнего выпивона головой. В комнате было душновато. Сквозь плотные шторы пробивалось яркое солнце.

Голова ещё спала. Глаза её были закрыты, лицо выражало полнейшее спокойствие. При естественном освещении цвет её лица оказался розовым, как у маленькой девочки. Или мальчика. Я подошла к ней поближе, убедилась, что в тарелке совершенно пусто, вылила туда остатки вина с благородным осадком, бутылку отправила в мусорное ведро. Решила, пока голова ещё спит, рассмотреть её повнимательнее.

Оказалось, что мои пьяные глаза вчера меня не повели – черты лица были абсолютно женские, но само лицо, вернее, его очертания – мужскими. Такое сочетание мне нравилось. Я поймала себя на мысли, что мне хочется провести пальцем по бровям, уж больно они были тонкие, прямо ажурные...

Встав на четвереньки, я обползла вокруг журнального столика, разглядывая голову со всех возможных ракурсов, и пришла к выводу, что она стала несколько больше возвышаться над горшком. «Наверное, показалось, – подумала я, – или это у неё за ночь так развилась корневая система...»

Я не стала будить голову, разделась и пошла в ванную. Мылась долго, минут, наверное, двадцать, а то и полчаса – не хотелось выходить из-под тёплого душа. Потом быстро высушила волосы, оделась и, осмотрев комнату, пошла в ресторан.

На завтрак я опоздала, и одетый в белый китель метрдотель скрочил недовольную физиономию. Я извинилась и прошла в зал. По дороге схватила глубокую тарелку и от души сыпнула туда кукурузных хлопьев. Залила молоком. Взяла приборы и села за крайний столик у окна. Через минуту ко мне подошёл высокий седой официант.

– Caffe, prego¹⁴, – сказала я.

Официант поклонился и отошёл.

Пока в молоке размокали хлопья, я смотрела в окно, на прохожих, вероятно, таких же туристов, как и я. Подумала: «почему такая ерунда случилась именно со мной? Почему не вот с той тёткой в идиотской панаме, или не с вон тем толстым парнем, скорее всего, американцем? Почему опять я?»

Седой официант вернулся и поставил на мой столик металлический кофейник и пухлую булочку на блюдце.

– Gracia, – улыбнулась я.

Хлопья в моей тарелке размокли, и я принялась за еду. По большому счёту, есть мне не хотелось, но хоть что-нибудь затолкать было нужно, чтобы не заметить к обеду дикую боль в желудке. С трудом осилив хлопья, перешла к кофе с булочкой.

Говорят, есть люди, которые чувствуют, когда на них смотрят. Я себя к таким никогда не относила, но в тот момент, когда полбулки было уже позади, я остро ощутила на себе что-то неприятное, что заставило меня повернуться. Оказалось, что через столик от меня сидит Костантино и цедит апельсиновый сок через соломинку. Увидев, что я его заметила, Костантино отдал честь двумя пальцами.

– Buon giorno, прекрасная Александра! – бодро сказал он.

– Доброе утро, Костя, – ответила я.

Костантино понял это за приглашение, встал из-за стола и подошёл ко мне.

– Вы позволите?

Я кивнула.

¹⁴ Кофе, пожалуйста (ит.)

Он сел напротив и поставил мне под нос свой недопитый бокал. От вида ядовито-жёлтой жидкости мой рот наполнился слюной. Чтобы не захлебнуться, я отвернулась к окну.

– Как вам спалось, Саша? – Костантино соорудил на своём лице неотразимую улыбку.

Говорить на эту тему мне не хотелось, поэтому я сделала неопределённый жест рукой, мол, так себе.

– Лучшее снотворное – руки любимого мужчины, – промурлыкал Костантино и накрыл мою руку своей. – До экскурсии ещё есть время, Саша.

Вот этого я совсем не ожидала. Вероятно, от этого глаза мои округлились, а рот приоткрылся. Я отдернула ладонь и убрала обе руки под стол.

– Чему вы удивляетесь? – изобразил фальшивое непонимание Костантино. – Вы очень привлекательная молодая женщина… любой на моём месте поступил бы также…

Эти его слова вывели меня из равновесия. Я испытала такой прилив ненависти к этому кобелю, что чуть не выплеснула ему в морду остатки кофе, а заодно и его поганый сок.

– Положим, я совсем непривлекательная и уже немолодая женщина, – сказала я, еле сдерживаясь, – это, во-первых. Во-вторых, я не шлюха и, в-третьих – не дура. Поэтому отвечайте сейчас же, что вам от меня нужно, или проваливайте.

Костантино развел руками.

– Ну, что же вы так, Саша! Я же к вам с дорогой душой… давайте поговорим!

«Вот козёл!» – подумала я, встала и быстро пошла на выход.

Костантино увязался следом. Я слышала, как он отодвинул свой стул, встал, слышала его гулкие шаги по плиточному полу ресторана. Мне вдруг стало не по себе, больше скажу, мне стало страшно. Костантино догнал меня у лифта. Взял рукой под локоть и прошептал мне на ухо:

– Простите меня, Саша, я вёл себя как идиот, но это всё из-за вас, поверьте, я безумно влюблён, с того самого дня, как увидел вас в аэропорту, в Римини…

Тренькнул звоночек, возвещая, что подошёл лифт. Двери открылись, и я, высвободившись из Костантиновых объятий, вошла в кабину. Костантино зашёл следом. Я нажала третий и отвернулась к двери.

– Значит, по-хорошему ты не хочешь…, – услышала я сзади голос совершенно без акцента.

Я медленно повернулась.

– Что ты сказал, шкет?

– Сейчас мы пойдём к тебе в номер, сука, и ты сама мне отдашь то, что у тебя там, поняла? – сказал Костантино.

Он выглядел, как самый настоящий бандит, только ножа в руке не хватало.

– Я сейчас закричу, – тихо сказала я.

– Только попробуй, сука, – Костантино схватил меня за левую грудь и сильно сжал пальцами сосок.

От резкой боли я охнула. Попыталась высвободиться, но не тут-то было, Костантино левой рукой перехватил мою правую и зачем-то сунул колено мне между ног.

– Тихо, сука, а не то я тебе его оторву на хрен, – прошипел он.

Было больно, очень больно, но я молчала.

Из лифта Костантино меня практически выволок. От боли у меня в глазах уже плыли тёмные круги, и дёргалась нога. Ещё чуть-чуть и я бы точно грохнулась в обморок.

Костантино дотащил меня до двери номера и только тогда отпустил. От боли и от страха я сползла по стене на пол. Грудь болела неимоверно. Я подобрала ноги, боком привалилась к стене и закрыла лицо руками.

– Чего расселась, корова, давай быстро ключ! – шипел сверху Костантино. – Ключ давай!

Я достала из заднего кармана пластиковую карту и, не глядя, протянула наверх. Костантино вырвал её у меня и стал пытаться открыть дверь номера, но дверь, почему-то, не давалась. Возможно, Костантино совал карточку другой стороной.

Неожиданно со стороны лифтового холла послышались торопливые шаги. Я убрала ладони от лица и приготовилась заорать. Костантино воровато осмотрелся по сторонам и сделал ещё одну неудачную попытку открыть дверь. Через мгновение в коридоре появился человек в плаще и шляпе. Я сфокусировала взгляд на человеке и сначала не поверила своим глазам – это был мой римский знакомый, японец-китаец. В том же самом плаще, в котором был в Риме, только теперь на голове у него была ещё коричневая в мелкую клетку шляпа. Японец-китаец бросил короткий взгляд на Костантино, потом на меня, а затем снова на Костантино.

– Кто вы такой? – резко сказал он.

– Жидко насрал, убери за собой, – спокойно ответил Костантино.

Японец-китаец изменился в лице.

– Что ты сказал, козёл?

– То, что слышал, узкоглазый. Вали, откуда пришёл.

– Ватась-ва корэ-дэ мо таксан дэс!¹⁵ – прорычал японец-китаец и принял стойку, в которую обычно встают киношные каратисты (Ки-й-й-й-я-я!).

Костантино, как бы нехотя, тоже изготовился к бою, только его стойка больше походила на боксёрскую. Наступила небольшая пауза, за время которой противники пару раз перемялись с одной ноги на другую.

Стало понятно, что теперь они поглощены друг другом, и до меня им уже дела нет. Мне бы в тот момент собрать волю в кулак и уползти оттуда куда подальше, но ничего не вышло – казалось, я приросла к серому ковролину. Мне было плохо: болела грудь, сердце молотило и, в довершение ко всему, основательно подташнивало. Я только и могла, что смотреть, чем всё это закончится.

Честно говоря, своими собственными глазами настоящую драку я видела только один раз в жизни. Это было ещё при советской власти, году в восемьдесят восьмом – восемьдесят девятом, в моей родной школе. Дрались два моих одноклассника: Витя Рябов и Кира Котельников (разумеется, не из-за меня – я рылом не вышла – просто оказалась рядом).

Тогда всё было скоро и неуклюже: через секунду после того, как невысокий, но крепкий Витька заявил, что ни за что не оставит Ленку Зотову «в покое», правый кулак длинного и костлявого Киры со шлепком врезался в его левую скулу. Витька слегка покачнулся, но затем ловко нырнул под левую руку «Котелка», которой тот метил ему в ухо, и боднул головой туда, где заканчивается живот и начинается грудь, в так называемую «душу».

Уже лёжа на полу, сложенный пополам Кира издал невнятный, отдалённо напоминающий мычание звук, который и возвестил об окончании поединка. Победитель, отвесив побеждённому ритуальный «фоффан», молча стоял рядом с телом, старательно растирая рукой скулу.

– Ты, главное, три сильнее, чтобы «фонаря» не было, – сказал Витьке подошедший Мишка Глебов, признанный специалист в этой области.

Драка японца-китайца с Костантино проходила совсем по-другому. Японец-китаец сделал резкий выпад (или как это у них называется), выставив вперёд ногу где-то на уровне костантинова живота. Костантино отпрыгнул в сторону и без замаха ударил японца-китайца левой рукой в голову, но тот присел, и удар пришёлся по шляпе (та мухой улетела туда, откуда появился её обладатель). Противники разошлись на несколько шагов, и всё началось снова – японец-китаец нападал, Костантино защищался.

¹⁵ С меня хватит! (яп.)

Скажу по правде, зрелице завораживало. И тот и другой своё дело знали, и двигались как... как одетые в штатское бежаровские болеро. Да, это больше всего было похоже на танец. Дикий, но симпатишный. Я даже забыла про боль и тошноту, до того это было красиво.

Наконец, японцу-китайцу удалось лягнуть Костантино в пах. Тот как-то по-бабы охнул и присел на одно колено, закрыв лицо и голову кулаками. «Всё, хана тебе, – подумала я, – сейчас он тебя запинает», но японец-китаец повёл себя, как мне показалось, странно. Вместо того чтобы добивать обездвиженного противника ногами, он сделал два шага назад, с короткого разбега подпрыгнул и обрушился на моего обидчика сверху. Костантино попытался вывернуться, упал на бок, но японец-китаец плотно оседлал его, ударил ладонью в ухо и, кажется, начал душить. На этом вся красота кончилась. Я отвернулась.

И ещё: мне было совсем не жаль Костантино.

7. Скажи: «а-а-а-а...»

После того как я немного отошла от боли, мы с японцем-китайцем затащили Костантино в мой номер, раздели догола и плюхнули на кровать мордой вниз. Одежду Костантино японец-китаец сложил в большой пластиковый пакет, а большой кожаный бумажник, вывалившийся из штанов, себе в карман. После шмыгнул в ванную и стал там чем-то греметь, а я осталась в комнате наедине с потерпевшим.

Голый Костантино был прекрасен. Узкий в тазу, широкий в плечицах, совершенно без «спасательного круга», то есть боков и пуз – чего я больше всего терпеть не могу в мужиках. Больше скажу, я ни разу не видела голого мужика с такой шикарной задницей. Лучше были только в магазине «Gigolo».

Японец-китаец вернулся из ванной с пластиковой бутылкой без дна. Перевернул Костантино на спину, не забыв закрыть простыней самое интересное, и обернулся ко мне.

– Саша, у вас есть водка? – спросил он.

– Вам что, нужно выпить? – удивилась я.

– Нет, не мне. Ему! – Японец-китаец показал на Костантино. – Вы же русская, у вас должна быть.

У меня и вправду была водка. Нам всем посоветовали взять с собой на случай непредвиденных подарков. Я выудила из сумки пол-литра «Русского эталона» за горлышко и протянула её моему спасителю, как гранату.

– То, что надо, – сказал он, и наклонился над Костантино. – Пожалуйста, держите голову, а я буду лить.

Я влезла на кровать и обхватила руками неожиданно маленькую по размеру костантинову голову.

– За уши удобнее всего будет, – посоветовал мне японец-китаец.

Уши оказались маленькие и холодные. Я прижала голову Костантино к подушке, японец-китаец левой рукой ловко открыл ему рот и вставил туда импровизированную воронку из обрезанной бутылки.

– Скажи: «а-а-а-а», – протянул он, хрустнула свёрнутая крышка (резко пахнуло водярой), и тонкая струйка потекла в пластик.

Поначалу всё шло гладко, но где-то к половине бутылки у Костантино из района гортани стали доноситься неприятные булькающие звуки. Неожиданно для самой себя я испытала приступ беспокойства – не захлебнётся ли, или ещё чего – и озабоченно посмотрела на японца-китайца, на что тот сделал пару успокаивающих кивков, мол, всё нормально.

– Не волнуйтесь, – почти по слогам проговорил он, – ему ничего не угрожает. Видите, лежит спокойно и выглядит совершенно нормально.

Я посмотрела на Костантино. Действительно, для человека, в которого без его на то согласия заливают пол-литра, смотрелся он довольно неплохо, разве что шумновато дышал носом. Я немного успокоилась.

– А он, того, не скопытится с такой дозы? – поинтересовалась я после того, как пустая бутылка полетела в угол.

– Нет! – уверенно ответил японец-китаец. – Судя по документам, он тоже русский. Так что всё будет в порядке.

– Русский?! – переспросила я.

– Да, и это многое объясняет. – Японец-китаец достал откуда-то из кармана паспорт знакомого красного цвета. – Вот, смотрите, Говенько Константин Натаевич, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения. Место рождения – город Херсон, военнообязанный... так,

что там дальше... зарегистрирован брак с гражданкой Горшковой Валентиной Степановной тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения, ого...

Японец-китаец вскинул глаза на меня.

– А ваш обидчик, оказывается, альфонс.

– На прописке, наверное, женился, – предположила я, а сама подумала: «Константин Наташевич Говенько – это ж надо...»

– Это я и хотел сказать, – отозвался японец-китаец, – а теперь, собирайте вещи.

Я немного опешила.

– Зачем?

– Мы съезжаем, точнее, вы съезжаете. Поверьте, для вас будет гораздо безопаснее пожить некоторое время у меня, – японец-китаец сложил ладони, как будто собирался молиться.

– У вас, это где? – поинтересовалась я.

– Я снял здесь квартиру в районе «Ониссанти». Это недалеко. Прошу вас, сделайте так, как я вам сказал. Так пострадает только ваша репутация. – Он показал рукой на Костантино, который, судя по всему, находился уже в глубокой отключке. – А если останетесь, пострадаете вы сами.

Не то, чтобы он меня сильно напугал, но собралась я мгновенно, благо чемодан у меня был почти не разобран. Спящую голову я, как и в прошлый раз, завернула в полотенце, а не влезшие в чемодан вещи покидала в располневшую до неприличия сумку.

– Ну что, присядем на дорожку, – предложил японец-китаец, когда всё было собрано.

Я кивнула и села на тумбочку для чемодана. Японец-китаец по-хозяйски уселся на кровать, чуть откинув, торчавшую из простыней волосатую Костантинову ногу.

– Во, разлёгся, – пробурчал он себе под нос.

Несколько секунд мы сидели молча. Тишину нарушало только тяжёлое дыхание Костантино. Наконец, японец-китаец несколько раз хлопнул себя ладонями по коленкам и резко поднялся. Я тоже встала и пошла на выход, но японец-китаец жестом остановил меня.

– Я первый, – сказал он, приоткрыл дверь, аккуратно высунулся в коридор, осмотрелся и только потом выкатил туда мой чемодан и вышел сам.

Я покидала номер, как капитан корабля, последней. Сердце моё сжалось, когда я бросила прощальный взгляд на мирно спящего на правом боку Костантино (японец-китаец перевернул его, чтобы тот не захлебнулся рвотой, если что).

«Представляю, какой у него завтра будет бодун, – подумала я, – так ему и надо, козлу», повесила на ручку двери ярлык «Don't disturb¹⁶» и поковыляла за японцем-китайцем, который, судя по звуку, уже вызвал лифт.

Благополучно миновав ресепшн, мы оказались на уже подсохшей после вчерашнего мостовой.

– Думаю, стоит пройтись немного пешком, а там уже ловить такси, – огласил план действий японец-китаец, – заодно подышим свежим воздухом. – Идите в трёх – четырёх шагах позади меня, так никто не подумает, что мы вместе.

В знак согласия я кивнула, и мы двинулись.

Японец-китаец шёл довольно быстро, изображая туриста, спешащего в аэропорт. Я шагала следом, соблюдая дистанцию – это было несложно, с моими-то ножищами. Народу на улице было полно, и, на нас никто не обращал внимания. Таких как мы – туристов с чемоданами на колёсиках и сумками – вокруг было до чёрта.

Неожиданно я снова почувствовала вполне отчётливое беспокойство. Нет, страшно мне не было. Страх мой остался лежать на ковролине рядом с лифтом (спасибо Костантино, мать его за ногу). На то, что я осталась одна, без группы, и иду непонятно куда, непонятно с кем,

¹⁶ Не беспокоить (англ.)

мне тоже было плевать с той самой башни, которая лучше пизанской. «Что же тогда? – думала я, глядя на широкую спину японца-китайца, – что меня такое гадкое гложет?»

Ответ пришёл секундой позже: оказывается, я волновалась за свой чемодан, стучавший колёсиками по тёртой брускатке позади моего попутчика, а точнее, за то, что лежит у него внутри. Меня внезапно кольнула фантазия, что всё это хитрый план, что японец-китаец и Костантино на самом деле заодно, и им ничего в жизни не нужно, кроме как отобрать у меня чемодан. Я непроизвольно сократила дистанцию на случай возможного похищения чемодана, хотя прекрасно понимала, что ничегошеньки не смогу сделать с этим странным человеком, полчаса назад расправившимся с Костантино.

Неожиданно японец-китаец остановился на краю тротуара (я чуть не вписалась в его спину), поднял руку вверх в фашистском приветствии и коротко, но звонко свистнул. На другой стороне улицы в ту же секунду затормозил кремовый «Мерседес», и небритый мужик за рулём ладошкой поманил нас к себе.

– Via Garibaldi, sedici, prego¹⁷, – назвал японец-китаец адрес.

Водила мотнул головой, мол, залезайте.

– Вы, это, поосторожней там, – сказала я, когда японец-китаец располагал чемодан в огромном внутреннем пространстве багажника.

Японец-китаец кивнул, а после сделал рукой жест, будто застёгивает на губах молнию. Я поняла, что лучше мне помолчать, влезла на заднее сиденье «мерса» и зачем-то заблокировала обе двери. Японец-китаец сел рядом с водителем. Через пару секунд машина тронулась.

¹⁷ Улица Гарибальди, шестнадцать, пожалуйста (ит.)

8. Новости – слоновости

В квартире японца-китайца я первым делом оккупировала ванную. Переоделась в домашнее – не хотелось оставаться в том, в чём я валялась на полу в гостинице, да и вообще, смена места жительства, как мне кажется, предполагает смену одежды. Я влезла в свежие джинсы, выбрала огромную белую майку «GAP» и завязала волосы в два инфантильных хвоста.

Когда я сняла с себя свитер и лифчик, в зеркале моему взору предстал красновато- васильковый синяк вокруг левого соска, оставленный пальцами Константина. «Лучшее сноторвное – руки любимого мужчины...», – вспомнила я его сладкий голос.

– Мразь, – произнесла я вслух, – скотина вонючая...

Фантомы недавно испытанного страха и унижения без стука вломились ко мне в голову. Зубы сами собой стиснулись, а кулаки сжалась. На глазах навернулись слёзы.

– Сволочь, как разукрасил..., – уже почти плача прогнула я.

Чтобы взять себя в руки я срочно представила Константина Наташевича Говенько, скрюченного после удара в пах, потом его же голого в постели, а потом и процесс принудительного заливания в его ротовую полость «Русского эталона». Аутотренинг своё дело сделал – злость отхлынула. Я сделала пару-тройку глубоких вдохов-выдохов и успокоилась окончательно. Надела майку прямо на голое тело, предварительно намазав синяк троксевазином (у меня он всегда с собой – варикоз, знаете ли).

Пока я переодевалась, японец-китаец хозяйничал на кухне. Я слышала, как он что-то куда-то наливал, гремел посудой и хлопал дверцей холодильника. Затем послышался стук кухонного ножа по доске, загудела микроволновка, а после из-за двери стали доноситься совершенно неидентифицируемые звуки (пышь-пышь-пы-ы-ышшишишь-дык-дык-дык). Когда печка призывающе тренькнула, моё любопытство победило.

Я влетела на кухню в полной уверенности увидеть что-то феерическое; воображение нарисовало разновсяческие японские вкусности (суши, сашими, яки соба и пр.), но на столе меня ждал жестокий облом – три ущербно маленькие круглые булочки на расписанном блюде и блестящий, похожий на летающую тарелку, металлический чайник. «Вот так всегда, – подумала я, подавив смешок, – много шума, и ничего».

Японец-китаец, который успел раздеться до рубашки, брюк и домашних тапочек, жестом пригласил меня к столу. В ответ я совершенно неожиданно для себя сделала что-то похожее на книксен.

Когда я уселась за маленький, совсем не кухонный, а, скорее, кафешный столик, то поняла, что дико проголодалась. Очень быстро смолотила круглые булки и выдула две большие чашки зелёного чая. Японец-китаец напротив, ничего не ел, только периодически прихлёбывал чай.

Понимание того, что я совершенно не знаю человека, с которым сижу за одним столом, пришло только после того как желудок более или менее заполнился, а, может, это зелёный чай благотворно подействовал на мою память. Японца-китайца, кстати (судя по тому, как он спокойно цедил из синей пиалушки чаёк), то, что мы не знакомы, совершенно не смущало.

«Как всегда всё приходится делать самой», – подумала я и стала судорожно кумекать, с чего бы начать.

Несмотря на то, что в пределах данной конкретной кухни уровень сложности вечной женской задачи: «Как познакомиться с мужчиной» был сведён к минимуму, её решение вызвало у меня трудности. Я потратила минут десять, придумывая первую фразу, и в результате не родила ничего лучше, чем:

– Извините, а кто вы? – спросила я.

Японец-китаец оторвался от пиалушки.

– Вы имеете в виду мою национальность?

– И это тоже. Вы – японец или китаец?

– Ни тот, ни другой. Я – айн, или как изволил выразиться ваш великий писатель Антон Чехов в своём произведении «Остров Сахалин»: «айно». – Японец-китаец посмотрел мне прямо в глаза, видимо в ожидании какой-то реакции. Не дождавшись никакой, продолжил: – Точнее, айном был мой дед по матери. Бабка, его жена, была русская из даурских казаков, а по отцу – все корейцы. Несмотря на всё это, я считаю себя айном. Я – один из немногих, кто знает айнский язык.

Японец-китаец сделал паузу.

– Если вы не в курсе, Саша, айны – это такой народ, который раньше жил у вас на Сахалине и на Курилах – продолжил он. – Сейчас остатки моего народа живут на Хоккайдо. Нас осталось очень мало, не больше двадцати тысяч человек. Большинство из нас скрывает свою национальность, потому что в Японии мы всегда были «эбису» – варварами. Японцы – очень жестокий народ.

После слов о японской жестокости мне вспомнился Сергей Лазо, а затем, вполне предсказуемо мысли мои перeskочили на Джордано Бруно, и я немедленно рассказала японцу-китайцу о моём вчерашнем разговоре с головой. Тот внимательно слушал и через каждое мое слово кивал.

– Только мне кажется, что это всё враки. Не понимаю, какая связь между Джордано Бруно, и, извините... – Я мотнула головой в сторону моего чемодана, который японец-китаец оставил в прихожей.

– Почему-то считается, что Джордано Бруно казнили за распространение учения Коперника, – сказал японец-китаец после ещё одной паузы, – но труды Коперника попали в так называемый индекс запрещённых книг спустя шестнадцать лет после смерти Джордано.

– За что же его тогда?

– В этом-то и вопрос... – Японец-китаец откашлялся в кулак. – В его обвинении было восемь пунктов, но что это за восемь пунктов, не знает никто. Об одном только можно утверждать с уверенностью – один из этих пунктов лежит сейчас в вашем чемодане.

Внезапно по моей спине пробежал холодок, словно налетел сквозняк старого ночных кошмаров; меня основательно передёрнуло. Японец-китаец бросил на меня короткий взгляд.

– Может, вы хотите выпить? – спросил он. – У меня есть сливовое вино. Будете?

Удивляясь тому, что он опять прочитал мои мысли, сил не было. Я просто кивнула.

Японец-китаец резко поднялся и направился к широкому холодильнику цвета «холодный металлик». Несколько секунд я наблюдала его широкую, обтянутую белой рубашкой спину. «А мужик-то здоровый», – подумала я.

Японец-китаец вернулся к столу с высокой бутылкой с широким горлышком и двумя пузатыми стаканами.

– Здесь тяжело найти настоящее сливовое вино, но я знаю один магазинчик...

Он аккуратно разлил жёлто-зелёную жидкость по стаканам, поставил бутылку на центр стола, потом, немного подумав, сместил её чуть вправо. Сел, поднял свой бокал, посмотрел на меня.

– Как говорится, ваше здоровье, Саша.

– И вам не болеть. – Я сделала небольшой глоток. Вино оказалось холодным и сладким. Я сделала ещё один, побольше.

– Ну как? – осторожно поинтересовался японец-китаец.

– С пивом потянет, – ответила я и прикончила стакан.

Лицо японца-китайца изобразило смесь озабоченности и удивления.

– С пивом? Саша, вы хотите пива?

Я усмехнулась.

– Нет, это выражение такое, шуточное, означает одобрение. Отличное вино, спасибо.

Японец-китаец извинился, встал, достал из кармана пиджака небольшой блокнот с карандашом, который был пристёгнут к блокноту шнурком, вернулся к столу, сел и начал записывать.

– Так, «потянет с пивом» – ироническое выражение одобрения, – проговорил он. – Всё правильно?

Я кивнула. Японец-китаец закрыл блокнот и виновато улыбнулся.

– Знаете, Саша, я очень давно не был в России, многих словечек не знаю. Приходится записывать.

Я одобрительно закивала, мол, молодец, парень, век живи – век учись, а саму толкнула мысль, что вышеуказанная задача решена только на половину. Я собралась с духом и подняла свой, снова наполненный японцем-китайцем бокал.

– Давайте выпьем за знакомство, – сказала я, – мы ведь с вами так и не познакомились.

– Да, неудобно получилось, – японец-китаец привстал, – меня зовут Масахиро Сасаки. Это моё японское имя. Своё настоящее имя, то, которое мне дали при рождении, я вам назвать не могу, по крайней мере, сейчас. Прошу вас, не обижайтесь.

– Да ладно, в каждой избушке свои игрушки, – махнула рукой я.

– А это выражение мне известно, – обрадовался японец-китаец, или, как его, Масахиро. – Оно очень точно выражает толерантность русского народа.

«Да уж, насмешил», – подумала я.

– Что-то я заболтался… будем знакомы, Саша! – Японец-китаец поднял свой бокал.

– Будем знакомы, Масахиро! – и наши бокалы сошлись со звуком, по алкогольной классификации известным как «камушки».

Я хлебнула вина и подумала, что настоящее имя моего сотрапезника (скорее, собутыльника, конечно) мне совсем не нравится. Будь он Харуки или, скажем, Такэши, это ещё куда ни шло, но Масахиро Сасаки – явный перебор. Не звучит. Сделав ещё один глоток, я твёрдо решила, что этот человек для меня навсегда останется японцем-китайцем.

Я внимательно посмотрела в его тёмные глаза, на что он отреагировал немного странно:

– А теперь, когда половина бутылки у нас позади, настало время для главного блюда, – торжественно сообщил он и направился к холодильнику.

«Главное блюдо? – подумала я, – так вот, над чем ты тогда гремел…»

На столе появилась большая квадратная тарелка с зеленью, под которым просматривался приличный кусок мяса.

– Это терияки, – пояснил японец-китаец, – угощайтесь. Вот палочки. Извините, у меня нет вилок, зато есть нож.

Бог мой, с каким наслаждением я накинулась на еду! И не беда, что палочками, палочками тоже сойдёт! Аппетит мой к тому моменту позволял сожрать среднее по размерам стадо бегемотов, как минимум. Японец – китаец же снова к еде не притронулся, а только потягивал вино.

«Может, он отравить меня хочет? – мелькнула у меня в голове мысль, но следующий же кусочек терияки отправил её к праотцам: – Ну уж дудки, такой вкуснятины не травят».

Квадратная тарелка опустела довольно быстро. Я даже съела сложенный в уголке имбирь, который раньше терпеть не могла. Голод, сами понимаете, не тётка…

– Так на чём мы с вами остановились? – японец-китаец взял мою пустую тарелку и вместе с палочками унёс к раковине, но мыть не стал.

– На Джордано Бруно, – ответила я, чувствуя, что произношение таких сложных слов мне даётся уже с некоторым трудом.

— Ах да, Джордано! — Японец-китаец потёр пальцами виски. Уши его при этом комично задвигались. — Мы ведь так и не выяснили, каким боком он приходится к нашей с вами находке. — Японец-китаец сделал длинную паузу, как заправский лектор перед новой темой. — Для начала надо сказать, что указанный персонаж был многогранной личностью и кроме открытого глумления над католической церковью занимался ещё многое чем, за что в те времена можно было угодить на костёр. Одной из его страстей была мнемоника — наука о совершенствовании человеческой памяти. Говорят, он достиг в этом деле потрясающих высот: целиком запоминал прочитанные им книги и безошибочно цитировал текст с любого места по требованию; изучил большинство из имевшихся в то время научных трудов; овладел практически всеми европейскими языками... Но и это далеко не всё. Самое главное его достижение состоит в том, что он овладел тайной, как сейчас бы сказали, биологического бессмертия...

После слова «бессмертия» изгнанный было алкоголем страх вернулся, и мне стало жутко по-настоящему. Я ощутила самый настоящий холод в ногах и не нашла ничего лучше, чем снова приложитьсь к стакану. Мой собеседник, кажется, ничего не заметил, и выглядел совершенно спокойно. Складывалось впечатление, что он рассказывает о каких-то милых пустяках, а не о, извините, недостижимом, невозможном, невозможном в принципе, невозможном вообще... господи, даже язык с трудом поворачивается... бессмертии...

— ...есть мнение, — продолжил японец-китаец, — что в 1583 году Джордано Бруно оживил и наделил бессмертием казнённого в Лондоне пирата Клинтона Аткинсона и убитую клиентом уличную проститутку, имя которой осталось неизвестным. Как вы понимаете, технология оживления утрачена — она вознеслась вместе с дымом от костра на Кампо деи Фиори в голубые римские небеса — известно лишь то, что Джордано использовал для этого ампутированные головы своих подопечных. Никто не знает, зачем он это делал. Возможно, это была одна из его шуток — так он потешался над отцами церкви.

— Ни хрена себе, шуточки, — вставила я.

— ...Джордано Бруно в то время находился в Оксфорде — днём читал в университете лекции по своему труду «О бесконечности вселенной и мирах», а по ночам в анатомическом театре проделывал процедуры оживления. Говорят, немногочисленные зрители в ужасе выбегали из анатомички, а некоторые падали в обморок, когда выставленные на кафедре головы одна за другой сначала открыли глаза, а затем начали говорить...

«Могу себе представить», — подумала я и ещё хлебнула вина.

— ...разумеется, долго так продолжаться не могло, и Джордано пришлось перебраться в Лондон, а потом и вообще покинуть Англию. Оживлённые головы он забрал с собой. После возвращения на материк он ещё долго путешествовал по европейским столицам, пока его ученик Джованни Мочениго не написал на него донос. Ну, а дальше вы, наверное, знаете.

— Так значит там, — я показала большим пальцем на чемодан, — кто-то из них?

— Сложно сказать, — японец-китаец пожал плечами, — не сохранилось никаких сведений о том, сколько всего, так скажем, человек он оживил. Не думаю, что он остановился всего на двоих...

«Боже мой, во что же я вlipла», — подумала я, и на меня тут же вывалился целый ворох, видимо, отсиживавшихся до этого момента в самом дальнем углу моего сознания неприятных ощущений и ужасных мыслей, словно кто-то ливанул мне на мозги целое ведро эмоциональных помоев.

— Поверить не могу, — я схватилась за голову, — ужас какой-то! Бред... Мне кажется, что всё это сон...

— Я вас понимаю, — японец-китаец поднялся и подошёл ко мне, но не слишком близко, — Саша, может, распакуем чемодан, чтобы развеять ваши сомнения? Я всё сделаю сам.

Я ответила слабым кивком. Подумала: «Делай что хочешь, мне уже всё равно...»

Японец-китаец не заставил себя долго ждать. Открыл чемодан, по-хозяйски извлёк оттуда завёрнутую в полотенце голову, распеленал и осторожно поставил на стеклянный столик у окна. Голова ещё спала, во всяком случае, глаза её были закрыты, а цвет лица немножко бледноват для бодрствования. Я подумала, что это намного лучше, чем если бы она сейчас начала голосить... Затем моё внимание привлекли чёрные песчинки, непонятно откуда взявшиеся на прозрачной столешнице. Сначала этих песчинок было мало, но с каждой секундой их становилось всё больше и больше, пока они не засыпали полстола. Я сощурила свои близорукие глаза и заметила на горшке трещину неширокую – в полпальца – наискосок трещину.

– Наверное, стукнули, когда везли, – вяло предположила я.

– Нет, это она растёт, – по-деловому сообщил японец-китаец, который стоял от меня справа, лицом к окну, – горшок надо срочно менять.

– Кто растёт? Голова? – переспросила я.

– Конечно, а вы как думали, – японец-китаец повернул ко мне своё удивлённое лицо, – ради этого всё и затевалось.

Очередной кульбит из мыслей тряхнул мою уставшую голову.

– И что, простите, из неё вырастет?

– Что вырастет, то вырастет, – усмехнулся японец-китаец, – ложитесь лучше спать, дальше я сам справлюсь.

9. Боевая фантастика

Я проснулась на низкой жёсткой кушетке, завёрнутая в колючий плед с плывущей в неизвестном направлении головой. Обследовав себя одной рукой, убедилась, что из одежды на мне трусы и вчерашняя майка. «Трусы на месте – это уже хорошо», подумала я; приняла положение сидя, уронила лицо в ладони и сильно зажмурила глаза.

Завершение вчерашнего дня восстановилось не сразу, но во всех подробностях. Я повернула голову к стеклянному столику и обнаружила на нём, точнее, за ним знакомую макушку. Встала. Не выходя из пледа, сделала пару шагов и увидела огромный, в сравнении с прикупленным мной в Риме, коричневый горшок, из которого торчала, также как и вчера, мирно спящая голова, только теперь у неё были шея и расходящиеся от шеи в стороны (не знаю, как называются) мышцы, которые потом должны закончиться плечами…

– А ведь она и правда, растёт, – сказала я вслух и только в этот момент поняла (скорее, ощутила), что в квартире я одна, не считая, разумеется, головы.

На всякий случай я всё-таки огляделась вокруг (хозяина, то есть, японца-китайца нигде видно не было) и спокойно освободилась от пледа. Прошлась по квартире, еле передвигая голые ноги. В голове всё по-прежнему куда-то ехало. Доковыляла до кушетки и рухнула на неё трупом.

Голову будить совершенно не хотелось. Я наконец-то призналась себе, что, начиная со вчерашнего вечера, начала её бояться. Не так, как, например, боятся дворовых хулиганов или начальства, а скорее, как внутренне трепещут перед заключёнными в металлические клетки дикими зверьми, тиграми, или, там, медведями. Понимаете, о чём я? А ещё я призналась себе в том, что совершенно не понимаю, в чём же состоит моя роль в этой истории.

Было и третье признание. Заключалось оно в том, что, несмотря на первые два, мне очень (просто очень-очень) хочется узнать, чем же всё это закончится, и это, пожалуй, единственное, что удерживает меня от того, чтобы в ту же секунду выбежать из дома и с криком: «мама!» рвануть в сторону аэропорта.

От всех этих мыслей голова перестала соображать окончательно. Я снова встала, напилась холодной воды из-под крана и решила себя чем-нибудь занять. Ещё раз осмотрелась и только теперь отметила про себя одну странность этой квартиры: тут не было ни телевизора, ни компьютера. Не было даже стереосистемы. Зато было много книг, понятно на каком языке. Они стояли на миниатюрных полочках-этажерках, которых в комнате было (я специально посчитала) семь штук. Я прошлась пальцем по корешкам книжек одной из них и неожиданно ухватила взглядом кириллицу. Книжка тут же была выдернута с полки и исследована. Исследование показало:

Книга формата «rocket size» в мягкой глянцевой обложке. Название: «Тропы Сурматора. Эпизод VII» (красными со стремительным наклоном буквами в четверть обложки). Под названием изображён крепкий мужчина в футуристической униформе – видимо, главный герой – с колена стреляющий из странного оружия, в форме которого, вероятно, воплотилась детская мечта художника о водяному пистолету и вполне взрослая о компактном японском перфораторе (вполне вероятно, что иллюстратор бацал сей шедевр во время ремонта собственной квартиры).

Из дула описанного оружия исходил ярко-синий луч, упирающийся в живот маленькой тёмной фигурки в самом углу обложки (от живота поднимался лёгкий дымок). Подстреленный враг был изображён в положении неустойчивого равновесия, за миг до падения в пропасть. Чуть поодаль от подстреленного врага находились ещё двое, испускавшие из своих «перфораторов» красные лучи, которые скрещивались в центре обложки с синим лучом героя, вызывая у меня устойчивые ассоциации со «Звёздными войнами».

Чем дольше я вглядывалась в картинку, тем более убеждалась, что лицо главного героя мне знакомо. Я повертела книжку в руках, чтобы увидеть лицо как бы под разными углами, и, наконец, поняла: оно было заимствовано с плаката времён войны «Бей насмерть!» Видимо, иллюстратор во время ремонта обнаружил у себя какую-нибудь книгу о Великой Отечественной войне.

В целом, обложка произвела на меня хорошее впечатление. Она однозначно указывала на жанр погребённой под ней книги, причём нереальной униформе и оружию главного героя здесь отводилась лишь второстепенная роль; основным было то, что все враги, включая подстреленного, были трёхногими. Но для особо тупых снизу было подписано: «Боевая фантастика».

Честно скажу, я искренне признаю произведения, написанные в этом прекрасном жанре, занимающие примерно такое же место в сознании стареющих юношей, как и сопливые романы у стареющих девушек: и те и другие придуманы для комфортной пролонгации человеческой инфантильности, разумеется, со скидкой на пол. Нет, я всё понимаю, никому не хочется взросльть, но не таким же способом...

Я ещё раз посмотрела на обложку. Подумала: «такие книги удобнее всего читать в сортире, когда живот удобно проваливается между ляжек... без остатка отдаться печатному слову, представить себя главным героем, молодым и лёгким, с хорошей фигурой и безотказной потенцией и испытать ни с чем не сравнимое чувство ложного психологического комфорта... Кстати, от чтения будет и вполне ощутимая польза для здоровья: острые повороты сюжета поспособствуют скорейшему и безболезненному отправлению естественных потребностей. Главное тут не подумать, что у тебя лопнули глаза, если жена случайно выключит в сортире свет...»

От мыслей меня отвлёк хруст суставов, или, точнее, позвонков. Сердце моё моментально провалилось так глубоко вниз, что на обратном ходе чуть не выскоило изо рта. Чтобы взять себя в руки, я сделала глубокий вздох и медленно повернула голову в сторону окна.

— Что читаете? — спросила немного покачивающаяся над горшком голова, как бы разминая затёкшую шею.

Вместо ответа я подняла книгу так, чтобы голове было видно обложку. Голова мельком глянула на неё и тут же скроила на лице кислую мину.

— Не люблю фантастику, — сказала она.

— Я тоже.

— А почему читаете?

— Другого нет, всё остальное на японском.

Голова нахмурила брови.

— А вы, конечно, его не знаете...

— Есть грешок. Кстати, а откуда вы знаете русский?

— Русский? — Голова высокомерно выгнула левую бровь. — Русского я не знаю, как и не знаю ни какого другого, из известных вам языков, но вместе с тем, я знаю их все. Я говорю с вами на дивонике. Если владеть им, то можно общаться с человеком, говорящим на любом языке.

— Как, простите?

— Ди-во-ник, — по слогам произнесла голова, — это язык, содержащий все остальные языки на земле. Его изобрёл великий Джордано.

«Опять этот Джордано, — подумала я, — куда ни плюнь — везде он».

— Скажите, а кто ещё из великих людей, кроме Джордано Бруно и Мекеладжело де Караваджо повстречался вам на жизненном пути? — спросила я плохо скрываемой издёвкой. — Может, Томас Майн Рид? Или Александр Беляев?

— Я не буду перечислять имён, — голова закатила глаза к потолку, — но, поверьте, среди них было много достойных персонажей... и ещё, не надо ёрничать, хотя бы и уважения к моему возрасту.

Мне вдруг стало стыдно за свои слова.

– Извините, – сказала я, – а вы, правда, бессмертны?

– Фактически да, – спокойно ответила голова, будто речь шла о какой-то мелочи, – если конечно не попаду в лапы Священной конгрегации Доктрины Веры, как это называется сейчас, а проще говоря, Священной инквизиции. Кстати, вы знаете, что нынешний папа бывший инквизитор?

– Да, нам говорили во время экскурсии по Ватикану. А что они с вами сделают, если поймают?

Голова громко сглотнула.

– Сожгут. Разумеется, не при большом скоплении народа на Кампо деи Фиори, а где-нибудь в уединённом монастырском крематории в присутствии двух-трёх наблюдателей в хабитах или...

Окончание фразы повисло в воздухе. Глаза моего собеседника неожиданно выпучились, а губы образовали вытянутое «о». Я резко обернулась, ожидая увидеть за своей спиной что-то ужасное, но ничего кроме знакомого интерьера там не обнаружила.

– Как вы сказали, все остальные книги на японском? – завизжала, как резаная голова. – Отвечайте!

– Да, вот, смотрите сами. – Я достала с этажерки первую попавшуюся книжку с чёрными иероглифами на золотой обложке и поднесла к голове.

Вмиг удивление на её лице сменилось отчаянием.

– Я так и знала! – заголосила она. – Они меня нашли, они меня поймали! А вы – одна из них. Господи, за что?

Я совершенно не понимала, чем вызван этот приступ паники, и поэтому решила, что голова меня просто-напросто разыгрывает. У меня даже мелькнула мысль подыграть ей, сказать, что я действительно одна из них, и что её, головы, песенка спета, но когда я увидела капающие с ресниц слёзы, сама не на шутку перепугалась.

– Вы можете спокойно объяснить, что происходит? – как можно увереннее сказала я.

Голова на секунду замолчала и навела на меня свои огромные, мокрые глаза.

– Скажите, кто хозяин этой квартиры? Ведь мы не в гостинице, верно?

Я почесала затылок, пытаясь вспомнить имя японца-китайца.

– Это... ну, как его..., – я пару раз щёлкнула пальцами, – Сасаки. Точно, Масахиро Сасаки. Помню, на харакири похоже было и ещё на сосачки...

– Сасаки? – переспросила голова.

– Ага, Сасаки, – подтвердила я, – сто процентов.

– О, горе мне, горе... они меня наши...

– Вы можете, наконец, объяснить, кто это, «они»? – выпалила я.

Голова уставилась на меня ничему не верящей двустволкой. Я stoически выдержала её взгляд, не отвела глаз и ни разу не моргнула.

– Ладно, на этот раз поверим, – произнесла голова учительским тоном, – «они» – это японцы. Гоняются за мной так же яростно, как и Ватикан, а может, и ещё яростнее. Этот ваш Сасаки – наверняка, один из них.

– На что вы им сдались? – удивилась я.

– А вы не понимаете? Хотят покопаться в моей башке, – огрызнулась голова, – это ещё хуже, чем на костёр... – И она зарыдала совершенно по-бабски. По её раскрасневшимся щекам и стройной шее побежали ручьи, исчезая в чёрном, как у брюнетки из рекламы шампуней, почвогрунте.

«Замкнутая система, – подумала я, – самоорошение».

– Увезите меня отсюда! – проревела голова. – Куда-нибудь увезите и спрячьте. Мне нужна всего одна неделя, чтобы вырасти, и тогда я убегу, и никто, никто меня не найдёт!

– Но куда, простите, я вас увезу? – поинтересовалась я.

– В первую очередь, из этой квартиры, – ответила голова гораздо спокойнее, а там я вам всё расскажу.

10. Русские не сдаются!

В то, что голова не врёт, а, если врёт, то правдоподобно, я поверила, когда не обнаружила в прихожей своей верхней одежды. Свитера и джинсов, которые должны были висеть в комнате на стуле, тоже не было, обувь, и та исчезла. Единственное, что у меня осталось – это майка «GAP», трусы и ещё перчатки, которые я купила тогда на рынке. Согласитесь, о том, чтобы выйти на улицу в таком виде, можно было даже не думать.

Но самое страшное, что кроме одежды неизвестно куда испарились чемодан и сумка, где были паспорт, обратные билеты и все деньги. То есть, абсолютно все. Пометавшись некоторое время по квартире, я устало плюхнулась на ковёр.

– Что же делать-то? – проговорила я вслух. – Всё ведь забрал, подлец.

– Бежать! – крикнула голова.

– В таком виде? – Я задрала майку, демонстрируя голове трусы.

Голова, хмыкнула, а после, словно радар, из угла в угол взглядом просканировала глазами комнату.

– Посмотрите в том шкафу. – Она указала на шифоньер в углу. – Он, наверняка, одёжный, а деньги я вам потом скажу, где взять.

Я подбежала к шкафу и распахнула скрипучие двери. Точно сторожевой пёс, меня встретил удущливый многослойный запах, в самом низу которого угадывался нафталин. От неожиданности я закашлялась.

– Это ничего, у некоторых в шкафах скелеты водятся, – прокомментировала голова.

Справившись с запахом, я заглянула внутрь. На длинной палке, проходящей поперёк шкафа на уровне моей груди, висели: два костюма мужских однобортных серых, совершенно одинаковых; два костюма мужских двубортных бежевых, также совершенно одинаковых; две синие сорочки, упакованные в полиэтиленовые чехлы и пара спортивных тапок сорок последнего размера, отдалённо напоминающих наши полукеды.

Начала я, сами понимаете, со штанов. Лучше всего на мою задницу налезли те, что от бежевого костюма, из-за разницы в росте превратившиеся в эдакие бриджи-переростки. После, повернувшись спиной к голове (до меня наконец-то дошло, что он всё-таки мужик), я рассталась с «GAP» и надела одну из сорочек, которая, заправленная в брюки, смотрелась более или менее сносно. Уже не глядя в зеркало, я нацепила серый пиджак и пошла к голове.

– Что ж, любезный, теперь с вами.

– С удовольствием, только заверните меня во что-нибудь, хотя бы вон в то одеяло, – в голосе головы уж не было никаких всхлипов, только спокойная уверенность, да и слёзы с лица куда-то исчезли.

«Вот и умница», – подумала я и аккуратно запеленала голову в плед, под которым спала. Попробовала поднять образовавшийся кулёк и непроизвольно охнула – по моим ощущениям в «младенце» было килограмм семь, если не всё десять. С третьей попытки взяв вес, я направилась в прихожую.

– Только держите меня повертикальнее, а то из горшка вывалюсь, – сообщила своё мнение голова.

– Будет тебе повертикальнее, – ответила я сквозь зубы, – если я пополам не сломаюсь.

В ответ голова что-то такое пробурчала на итальянском, судя по интонации, негодующее. Я решила пока не обращать на это внимания. Подумала: «Главное, выбраться, а там разберёмся».

Только выбраться так просто не получилось – дверь, деревянная и обшарпанная, без ручки, но с маленькой блестящей замочной скважиной, оказалась заперта.

– Закрыто, – констатировала я, – на ключ.

— Ломайте, — тут же донеслось из кулька.

— Как ломать?

— Ногой! Со всей дури!

Я отошла на пару шагов от двери и, что есть силы, долбанула в район замка правой. Мало того, что дверь даже не шелохнулась, даже грохота-то нормального не вышло, так позор один. Я поставила кулёк на пол, вернулась в исходное положение и повторила попытку, на этот раз левой.

Бить по деревянной двери ногами, обутыми в спортивные тапки, оказалось таким же удовольствием, что и проделывать это босиком. После десятой попытки я обречённо опустилась на пол рядом с кульком. Обе пятки гудели так, словно по ним прошлась палками целая рота хунвейбинов.

— Не сдаваться, — сказал кулёк, — я чувствую, победа близка.

От боли и досады я чуть не заплакала.

— А, может, мне вас подключить? — сказала я прямо в кулёк, — говорят, лобная кость у человека самая прочная...

Договорить я не успела, поскольку за дверью послышались приближающиеся шаги. Я затаила дыхание. Прислушалась: «Точно шаги, похоже, мужские. Идёт вверх по лестнице. — Я аккуратно встала и на цыпочках подошла к двери. — Может, не к нам?»

— Это он, я чувствую... — услышала я тихий, подавленный голос из кулька. — Теперь нам конец. Придётся сдаться на милость победителю.

Внутри у меня всё оборвалось, когда я услышала слова «сдаться» и «конец». Я уже была готова рухнуть на пол и зареветь, но тут совершенно неожиданно испытала невиданный по силе душевный подъём, будто в меня качнули храбости из невидимого насоса. «Ну, уж дудки, — подумала я, распрямляя спину, — русские не сдаются...»

Вопрос о том, что делать дальше, уже не стоял — всё придумалось само собой. Я быстро распеленала голову, поставила её туда, где она стояла раньше — на столик — рванула в ванную, включила воду «на полную», забежала на кухню, схватила доску, на которой японец-китаец готовил мне терияки, вернулась в прихожую и встала за дверью. Сделала глубокий вдох и задержала дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.